

THE ETYMOLOGY OF THE WORD "PHILOSOPHY" AS A MEANS OF DISCOVERING THE ESSENCE OF THINKING*Poljakova Natal'ja Borisovna, PhD of Philosophy, Associate Professor**Vladimirov Dmitrij Sergeevich, student**Udmurt State University, Izhevsk*

*The purpose of the study is to look at the word "philosophy" in its etymological aspect, to try, as it were, to return to the time when this word had been just emerging; all this will help us to remove, so to speak, a veil that inevitably appears when a word is used frequently. The article focuses on the fact that frequent usage is a characteristic of discourse, which indicates that discourse is stable. However, thinking is inherently a constant process, during which ever new meanings are appearing. **The scientific novelty**, therefore, lies in the fact that the article suggests that the etymological approach to a word allows us to return to discursivity, i.e., to the creative potency of thinking, thanks to which the word was created. **As a result**, etymology makes it possible to reveal the original meaning of the word "philosophy"; and in the end this meaning tells us that philosophy is a living and constant process that is always contemporary.*

Keywords: *thinking; essence of philosophy; language; discursivity; discourse; knowledge; ancient Greek; etymology.*

EDN: KСGBWP

DOI: 10.24923/2222-243X.2023-48.26

Цитировать: Полякова Н.Б., Владимиров Д.С. Обнаружение "философии" в этимологической игре древнегреческого языка // KANT. – 2023. – №3(48). – С. 156-159. EDN: KСGBWP. DOI: 10.24923/2222-243X.2023-48.26

УДК 101

ВАК РФ 5.7.2

ОБНАРУЖЕНИЕ "ФИЛОСОФИИ" В ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ИГРЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА

© Полякова Н.Б., 2023

© Владимиров Д.С., 2023

Цель исследования – раскрыть слово "философия" в этимологическом аспекте, вернувшись в то время, когда это слово только-только зарождалось; это позволит снять пелену, которая неизбежно появляется у всякого часто употребляемого слова. В статье акцентировано внимание на том, что частое употребление является характеристикой дискурса, что свидетельствует о его, дискурсе, фиксированности. Однако мышление по своей сути является постоянным процессом, во время которого образуются всё новые и новые смыслы. **Научная новизна**, таким образом, заключается в том, что в статье проводится мысль о том, что этимологический взгляд позволяет вернуться к дискурсивности, т. е. к той креативной потенции мышления, благодаря которой слово и появилось на свет. **В результате** этимология позволяет выявить первоначальный смысл слова "философия", который в конце концов приводит к тому, что философия – это живой, постоянный процесс, который всегда современен.

Ключевые слова: мышление; сущность философии; язык; дискурсивность; дискурс; древнегреческий язык; этимология.

Читатель философского текста неизбежно встречается со словами, значение которых он не понимает: это не только философские категории, но также и, на первый взгляд, знакомые слова, которые имеют тем не менее неясное значение. Для того чтобы разобраться, почему так происходит, необходимо, выражаясь языком лингвистики, понимать специфику данного типа текстов: в сущности, в философском тексте объективируется субъективное мышление автора, которое представляет собой постоянный процесс; этот процесс с помощью слов прерывается, т. е. останавливается и в этом виде фиксируется на бумаге. То, что остается на бумаге, в силу своего субъективного истока, выходит за рамки часто встречающегося: к примеру, в своих рассуждениях автор может использовать философские категории в значении, которое будет внеконвенциональным, т. е. которое не будет представлено в философских словарях.

Философский текст – это, стало быть, объективация субъективного потока мышления; однако – раз текст этот философский – эта объективация осуществляется в рамках философского дискурса. Дискурс вообще – это "язык в языке", т. е. определенная лексика, семантика, прагматика и синтаксис, являющие себя в актуальных коммуникативных актах, речи и текстах" [7, с. 671]. Иными словами, дискурс – это набор правил, языковых конструкций и т. д., с помо-

ПОЛЯКОВА Наталья*Борисовна, кандидат**философских наук, доцент***ВЛАДИМИРОВ Дмитрий***Сергеевич, студент**Удмуртский государственный университет, Ижевск*

щью которых строится какой-либо текст, в том числе и философский. Ригидность дискурса может продемонстрировать язык как таковой: например, Р. Барт, говоря о принудительном характере языка, указывает на то, что говорящего на французском языке сам этот язык принуждает начинать предложение с подлежащего, использовать сугубо мужской или женский род и т. д. [1, с. 548] Однако объективация мышления не ограничивается использованием стандартных конструкций, т. к. субъективный поток мышления не сводится к внешнему, т. е. объективному стандарту.

Нестандартность в языковых структурах является дискурсивностью, т. е. "беспредельны[м] креативны[м] потенциал[ом] смыслопорождения" [6, с. 152]. Эта креативность проявляется, к примеру, в том, что создатель философского текста использует неологизмы, меняет графический облик слова и т. д.; это-то и вызывает в читателе недоумение, о котором мы упоминали в начале. В связи с этим примечателен комментарий В. В. Бибикина к гумбольдовским рассуждениям: "индивидуальность языка более *рыхлая* [по сравнению с индивидуальностью говорящего], в ней есть зазоры, шатание, место для того, чтобы более сильная, целеустремленная индивидуальность говорящего пусть в малом, но по-своему переиначивала грамматику и словарь" [3, с. 411].

Проявление дискурсивности в философском тексте можно назвать игрой слов: глагол "играть" здесь имеет значение "переливаться разными цветами"; кристаллы льда, к примеру, "играют всеми цветами радуги", если поворачивать их разными гранями к свету [10, с. 373]. Используя метафору такой игры, можно утверждать, что слова в философском тексте играют своими значениями, исходя из субъективного потока мышления и этому потоку соответствуя. Использовали игру слов в том числе и в Древней Греции: древнегреческие философы жили в "мир[е] становящихся слов и значений", в котором ощущалась нехватка необходимых слов [12, с. 17]. Мышление, таким образом, начало создавать новые слова, одним из которых было слово "философия".

Когда мы встречаемся с этим словом, то не можем обойти его древнегреческое происхождение; услышим же "слово "философия" из его истока, тогда оно прозвучит так: "φίλοσοφία" [15, с. 16]. Таким образом, мы начали подступать к этому слову этимологически. В словаре указано, что ἔτυμον – это "подлинное, т. е. первоначальное значение слова" [8, с. 680]. Этимология, стало быть, позволяет увидеть, как

слово играет смыслами, поскольку она возвращает нас к той первоначальности, когда слово еще не имело устоявшегося значения. Иными словами, с помощью этимологии мы возвращаемся в те времена, когда слово еще не было частью зафиксированного дискурса, а полностью принадлежало креативной потенции дискурсивности. Примечательно, что Р. Барт, рассуждая об удовольствии и наслаждении, мимоходом предлагает создать науку, которая изучала бы "процесс их [слов] отвердения, оплотнения в ходе исторического развития дискурса" [2, с. 497]. Целью такого шага, шага создания подобной науки, было бы как раз-таки, негативное, так сказать, подсвечивание этимологии слова, которая, по замечанию В. В. Бибикина, "не уходит из слова, даже и забытая, она продолжает как-то *и так* определять историю слова" [4, с. 417].

Вернемся к античной нехватке слов: в то время мышление еще не начало использовать свой рационально-теоретический инструментарий: оно обобщало окружающий мир посредством реализующегося в мифе слова, которое не только было наполнено образами и метафорами, но и было свободно от границ словарных значений [12, с. 16]. Стало быть, мифологическое выражает тот креативный потенциал языка, который в современной философии именуется дискурсивностью. В словаре указано, что μῦθος переводиться как "слово" или "речь", а множественное число μῦθοι – как "разговор" или "беседа" [9, с. 1113]. Креативность языка, таким образом, изначально выражалась в устной речи; отсюда закономерно возникает "диалог как важнейш[ая] форм[а] философской коммуникации" [12, с. 20]. В диалоге игра слов проявляется также и как философская риторика, которую философ использует наряду с логическими доказательствами, т. к. для человека остается по-прежнему важным эмоциональное осмысление мира [там же, с. 19].

Рассмотрим подробнее этимологию слова "философия": когда мы говорим о первоначальном слове φιλosophía, мы непременно говорим о τῆ φιλosophía [15, с. 17]. Определенный артикль τῆ указывает на конкретную историческую традицию, которая обеспечивает нам "свободу разговора с былым", а именно свободу "разговора с мышлением эллинизма" [там же]. Существительное φιλosophía образовано от прилагательного φίλοςσοφος, которое, в свою очередь, "предположительно было образовано Гераклитом" [там же, с. 19]. Во время образования этого прилагательного φιλosophía как существительное еще не мыс-

лится, а φιλόσοφος указывает на характеристику; однако ἄνθρωπος φιλόσοφος не есть "философский" человек", но "тот, ὃς φιλεῖ τὸ σοφόν" [там же]. В словаре указано, что φιλέω переводится как "я люблю", "я отношусь по-дружески" и "я радушно принимаю" [9, с. 1726-1727]. Стало быть, ἄνθρωπος φιλόσοφος "радушно принимает" τὸ σοφόν, является его "другом", а значит, ему соответствует. Согласно словарю, σοφός – это "искусный", "рассудительный", "понятливый" и, наконец, "мудрый" [там же, с. 1491]. Следовательно, σοφόν как прилагательное среднего рода, выступающее в абстрактно-обобщенном значении, можно условно переводить как "мудрое". Определенный артикль среднего рода τὸ свидетельствует, что σοφόν здесь не произвольное, не "какое-либо": здесь необходимо обратиться к греческой философии, а точнее, к Гераклиту: "по нему, τὸ σοφόν говорит это: Ἐν Πάντα" [15, с. 19]. Πάντα – это средний род множественного числа слова πᾶς, "каждый", но во множественном числе значение преобразуется во "всё" [9, с. 1268]. Всё "подразумевает здесь: Πάντα τὰ ὄντα" [15, с. 19]. Πάντα – согласуется в роде и числе с τὰ ὄντα, что означает "подлинно сущее" [9, с. 1179]. Числительное среднего рода ἕν означает "один, единый" [8, с. 468]. М. Хайдеггер интерпретирует "одно" как бытие и заключает, что "σοφόν говорит: Все сущее есть в бытии" [15, с. 19]. Таким образом, бытие сущего обращается через σοφόν к тому, кто готов это обращение услышать, т. е. к ἄνθρωπος φιλόσοφος или философствующему, который, стало быть, соответствует обращению бытия сущего. Следовательно, этимологический анализ, приводит к тому, что философия – это соответствование обращению бытия сущего.

Раз уж мы пришли к такому необычному "определению" – в кавычках, потому что вряд ли М. Хайдеггер согласился бы с тем, что он наложил или, скорее, нашел, так сказать, пределы философии – раз уж мы пришли к тому, что философия – это соответствование обращению бытия сущего, то следует хоть как-то, хотя бы попытаться пояснить, что же это значит. Поскольку эта статья не посвящена отдельно хайдеггерскому пониманию философии, то позволим себе обойтись без ссылок, позволим себе изложить материал, т. е. прояснить, что же значит соответствовать бытию сущего, так, как нам на данный момент это представляется, тем более, что это неминуемо будет лишь первым приближением.

Начать же следует с так называемой ontologische Differenz, т. е. с различия М. Хайдеггером бытия (Sein) и сущего (Seiende) или,

иными словами, присутствия и присутствующего. Философ занят бытием, так как же это связано с соответствованием обращению бытия сущего? А именно: если философ начнет рассматривать бытие как объект, то он неизбежно, так сказать, промахнется, потому что оно, бытие, не является объектом, в отличие от сущего: философ же тоже есть, как и сущее, поэтому здесь объективное рассмотрение не подходит; философу, чтобы думать о бытии сущего, надо тоже быть, точнее и себя тоже, свое индивидуальное, так скажем, бытие (Dasein) включить в свою мысль о бытии. Отсюда-то и необходимость соответствования: сущее есть и было до рождения философа, до того, как он о нем задумался, поэтому это он должен ему, сущему, соответствовать. Точнее, бытию сущего. Иными словами, только так можно мыслить или думать о бытии: тоже быть, присутствовать: говорят же, например, что кто-либо смотрит куда-то с отсутствующим взглядом, т. е. этот кто-то наверняка и не видит того, на что он смотрит, потому что для этого надо присутствовать; потому-то, наверное, В.В. Библихин известный хайдеггерский термин или, точнее, просто слово Dasein переводит как "присутствие". Пожалуй, здесь нам следует остановиться.

Обратим теперь внимание на то, как в древнегреческом слове "философия" примечательным образом сочетаются "радушное принятие" и "мудрое", которое при этом говорит об "одном" и "всём", а они, в свою очередь, оказываются "бытием" и "сущим" соответственно. Налицо игра слов: сочетание, на первый взгляд знакомых слов оказывается чем-то новым и непонятным. Само слово "философия", таким образом, раскрывает нам сущность философии, в которой слова приобретают большую смысловую потенцию, используя, к примеру, в необычном значении или соединяясь примечательным образом друг с другом. Но смысловая потенция слов может реализоваться только в тексте; стало быть, "в философии большее значение имеет сам текст", который не только "заключает в себе смысл, требующий особой интерпретации", но и порождает новые смыслы [12, с. 22].

Философские тексты образуют текстовую реальность философии, т. е. пространство знания, на основе которого мы создаем "образ мира" или разметку "континуум[а] окружающего мира" [5, с. 275]. Когда происходит "порождение новых языковых сущностей посредством трансформации уже имеющихся в языке единиц", то знаниевая разметка расширяется [там же]. Само по себе такое расширение и

стремление ко все большему расширению являются неотъемлемой характеристикой жизни и человека как живого существа: М.К. Мамардашвили в этой связи замечает, что "хотеть жить – это хотеть занимать еще точки пространства и времени" [11, с. 34]. Существование разметки и возможность ее расширения обеспечивает язык. В связи с этим заметим, что в стихотворении С. Георге лирический герой постигает, что "слово есть у-словие вещи как вещи": вещь подвластна слову, поскольку ее веществование может манифестировать только слово, чьей властью поэтому является у-словление [14, с. 309, 312]. Манифестация веществования происходит, когда мы следуем "путеводной нити": "дать слово языку как языку"; таким образом мы допускаем осуществиться сущности языка как сказа, т. е. позволяем сказу сказать, а значит, показать и привести к явленности указанное [13, с. 259, 266]. Язык, иными словами, приводит присутствующее к его собственному присутствию, поэтому он "хранитель присутствия" или "дом бытия" [там же, с. 272]. Но тут важна и роль человека: ведь это он следует вышеназванной путеводной нити, поэтому, как замечает В.В. Библихин, "только благодаря нам язык продолжает *возобновлять* свой смысл, не становится мертвым" [3, с. 411]. Смысл возобновляется, обновляется, т. е. появляется нечто новое, свежее, как неизбежно происходит в жизни; возможно, это новое, эту креативность дискурсивности, как мы отметили ее в начале, и имеет в виду В. Гумбольдт, когда говорит, что язык – это прежде всего энергия, а не эргон.

Стоит отдельно заметить, что для М. Хайдеггера древнегреческий язык имеет особое значение: "греческий язык не есть только лишь язык, как известные нам европейские языки", "греческий язык, и он один, есть *λόγος*" [15, с. 19]. *Λόγος* же – это "Сказ, который, показывая, дает сущему явиться в свое это есть" [14, с. 312]. *Λόγος* – это и бытие сущего, "присутствие присутствующего" [там же]. Стало быть, древнегреческий язык непосредственно предъявляет присутствие присутствующего, и тому есть причина: бытие сущего "повергло в удивление греков – впервые их и только их" [15, с. 19]. Роль древнегреческого языка в качестве первопреходца не забывается и сегодня: в современных языках используются древнегреческие корни, приставки и т. п., что косвенно свидетельствует о постоянной ретроспекции по отношению к Древней Греции.

Вернемся в заключение к результату этимологического анализа, т. е. к некоему определению философии, к которому мы пришли.

Соответствие обращению бытия сущего – это живой процесс; он, стало быть, длится и в каждый момент начинается заново; в этом-то начинании заново и кроется сущность дискурсивности. По этому поводу К. Ясперс замечает, что "ее [философии] сознательная разработка является никогда не завершённой и всякий раз возобновляющейся задачей, которая осуществляется всегда в настоящем как единое целое" [16, с. 16]. Если бы это было не так, т. е. философия не начиналась бы каждый раз заново, то давно бы закрепился философский дискурс, слова перестали бы играть значениями, но и мышление бы исчезло, потому что объективированному знанию о бытии не нужен был бы больше его субъективный исток.

Литература:

1. Барт Р. Лекция // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 545-573.
2. Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 462-518.
3. Библихин В.В. Внутренняя форма слова. – СПб.: Наука, 2008. – 420 с.
4. Библихин В.В. Чтение философии. – СПб.: Наука, 2009. – 536 с.
5. Волков М.П. Греческий язык и становление научного познания // Вестник ТГУ. – 2008. – №2. – С. 275-281. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grechskiy-yazyk-i-stanovlenie-nauchnogo-poznaniya-1>.
6. Грицанов А.А. Дискурсивность // Новейший философский словарь. Постмодернизм. – Минск: Современный литератор, 2007. – С. 152-153.
7. Гутнер Г.Б., Огурцов А.П. Дискурс // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1. – С. 670-671.
8. Дворецкий И.Х. (сост.) Древнегреческо-русский словарь. – М., 1958. – Т. 1. – 1043 с.
9. Дворецкий И.Х. (сост.) Древнегреческо-русский словарь. – М., 1958. – Т. 2. – 867 с.
10. Кузнецов С.А. (сост. и гл. ред.) Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
11. Мамардашвили М.К. Беседы о мышлении. – М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015. – 816 с.
12. Миронов В.В. Философия и Слово (или Еще раз о специфике философии) // Вопросы философии. – 2012. – № 1. – С. 14-27. – URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/835324>.
13. Хайдеггер М. Путь к языку // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 259-273.
14. Хайдеггер М. Слово // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 302-312.
15. Хайдеггер М. Что это такое – философия? // Философия философии. Тексты философии. – М.: Академический Проект; Мир, 2012. – С. 15-27.
16. Ясперс К. Введение в философию. – Минск: Пропилеи, 2000. – 192 с.